

ВАДИМ
ЗАСТАВНЫЙ

Asta Nielsen

НАДЕЖДЫ И ИЛЛЮЗИИ

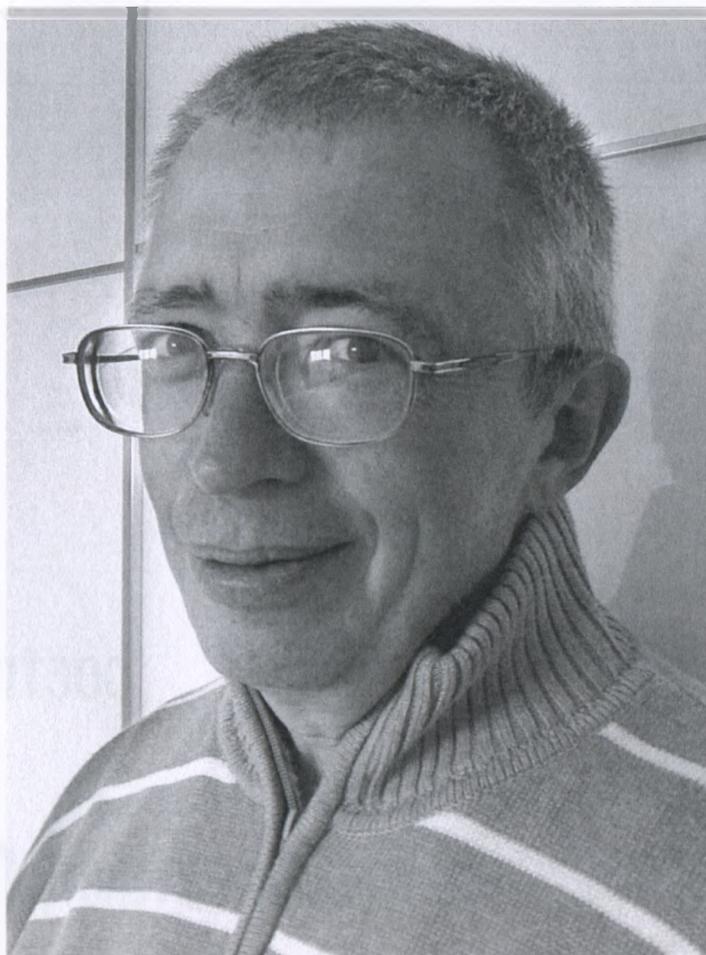

poesie et verite

poetry and truth

vadim zastavny [davidenko]

В. Заставный, 1961-2012.

Фото Светланы Хиневой.

Графика авантитула – из архива В. Заставного.

ВАДИМ ЗАСТАВНЫЙ
(ДАВИДЕНКО)

НАДЕЖДЫ И ИЛЛЮЗИИ

СЦЕНАРИЙ
НЕСНЯТОГО ФИЛЬМА

Запорожье
Дикое Поле
2015

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Эта книга задумана, подготовлена и выпущена группой родных и друзей Вадима Игоревича Заставного, активного члена запорожского общественного киноклуба «Восхождение», преданных его памяти. Глубоко интеллигентный, широко образованный, но не вписавшийся в вертикаль власти, отказавшийся от ее привилегий, а позже не принявший двусмысленности поведения и вероломства деловых партнеров, он пытался найти себя в творчестве (кино, поэзия, эссеистика) и получить поддержку людей искусства, перед которыми преклонялся и которым доверял.

Еще в 1988 г. его (27-летнего провинциала из Запорожья) сценарными замыслами заинтересовался выдающийся кинорежиссер Элем Климов, бывший тогда первым секретарем Союза кинематографистов СССР. По-видимому, кроме общей талантливости, их сблизило и ощущение неприятия надвигающейся новой постсоветской эпохи, этический романтизм и стремление объединить в киноэстетике предельную документальную достоверность и абстрактные поэтические обобщения.

Однако вскоре их контакты прекратились в связи с неожиданным демонстративным разрывом Климова с официальным кинематографом. Замыслы остались нереализованными, путь в большое кино закрылся, а написанный к тому времени сценарий – ранний прообраз «Надежд и иллюзий» – надолго лег в архив, хотя время от времени правился автором.

Следующим знаковым событием для Заставного, но уже много лет спустя, во время тяжелого жизненного кризиса, в 2011 г., стал поощрительный отзыв от не менее выдающегося кинорежиссера Романа Балаяна, прочитавшего более позднюю сценарную заявку Заставного – «История с ангелами», (опубликована в сборнике стихов Заставного «Сад», 2012 г., Запорожье). Балаян предложил написать, не откладывая, развернутый, полный сценарий для подачи в официальные инстанции. Однако в эти планы вмешалась внезапная тяжелая болезнь, оказавшаяся неизлечимой. Работа над новым сценарием, к сожалению, так и не началась. Жизненные силы убывали на глазах. Их едва хватило на то, чтобы незадолго до ухода извлечь старый, во многом несовершенный сценарий из забвения и попытаться привести его в порядок. Но и этому не суждено было сбыться.

Редактирование «Надежд и иллюзий» пришлось завершать спустя несколько лет, уже без автора. При участии С.М. Заставной выполнил его В.Н. Назаренко. Ему же принадлежит идея оформления книги документальными историческими фотографиями, воссоздающими возможный экранный образ сценария, если бы по нему был снят фильм. Список web-адресов, откуда были взяты фотографии, приводится в конце книги. Все источники являются открытыми и названы, чтобы заинтересовавшийся читатель мог получить из них дополнительную историческую информацию, обогатить свои представления о времени, местах, событиях и людях, о которых идет речь.

Есть люди, которые подобны указательным знакам на жизненном пути.

Без лишней суеты, и, казалось бы, даже равнодушно корректируют витиеватый шлях странника. Но по истечении многих лет начинаешь осознавать, сколь значимым было это вмешательство, к скольким открытиям оно привело.

Таким человеком для меня стал Вадим Заставный.

Не знаю, по какой причине он извлек меня из множества неопитов околокультурной сферы. Но хорошо помню наши частые встречи. За достаточно короткий отрезок жизни Вадим сформировал у меня убеждение стать культуртрегером.

Спасибо, друг, я им стал. И нисколько не жалею...

**Игорь Гармаш,
президент киноклуба «Восхождение», г. Запорожье**

Харьков. Улица Сумская.

ХАРЬКОВ, 1913

Харьков. Доходный дом.

ХАРЬКОВ, 1913

УЛИЦА – ДЕНЬ. В ГОРОДЕ ОСЕНЬ.

Тихая окраинная улица с булыжной мостовой. У дверей старого многоквартирного доходного дома флиртуют мужчина и женщина. Несколько магазинов, крохотное кафе и спуск в парк.

Солнце, выглянув на мгновение из облаков, чудесным образом преображает ландшафт, придавая ему очарование живописного полотна. Но стоит солнцу скрыться, как дома, запыленные окна и даже лужи на мостовой приобретают затрапезный и даже тоскливый вид.

У арки, ведущей в парк, пыльная женская статуя в античной тунике. На постаменте, у ее ног, сидят два гимназиста старших классов.

Николай – худощавый шатен с классическими чертами лица и порывистыми жестами. Семен – полный блондин. Он медлителен и, на первый взгляд, совершенный увалень. Впрочем, ироничное выражение глаз позволяет предположить, что первое впечатление может оказаться несколько преждевременным.

НИКОЛАЙ

(запальчиво)

Семен, я больше не могу это видеть! Ведь есть же где-то другие, совершенно иные, люди и города!

СЕМЕН

Брось! Папа рассказывал, что у Голомштока тоже был такой пациент – помутнение рассудка от мыслей о высоком!

А я думаю, что люди везде одинаковы – хоть в Житомире, хоть в Аддис-Абебе.

Брось! Тебе мало разговоров об искусстве?

Да ведь у вас дома ни о чем другом и не говорят!

А что касательно интересных людей...

А дамы и господа, что бывают у вас дома каждую пятницу?! Разве тебе мало?

НИКОЛАЙ

Да ведь они только рассуждают!

Говорят они, пожалуй, интересно,
но ведь они не творцы культуры, а ее плоды!

Плоды! А я хочу творить! Понимаешь, Семен?
Созидать!

(искренне)

Я жизнью готов пожертвовать ради искусства!

Гимназисты

СЕМЕН

(меланхолично)

Ну и жертвуй на здоровье!

НИКОЛАЙ

И пожалуйста!

Николай встает на постаменте в подчеркнута мелодраматичной позе.

НИКОЛАЙ

(играя)

Жизнью пожертвовать?!

Это я могу!

СЕМЕН

(мельком глянув на него)

Да уж!

У меня самого младший брат временами такое творит!..

НИКОЛАЙ

Молчи, несчастный!

А то я и с тобой что-нибудь эдакое сотворю!

СЕМЕН

После этих слов я просто вынужден спустить тебя на грешную землю!

Неожиданно ловко он сталкивает Николая с пьедестала.

СЕМЕН

(смеясь)

И пал поверженный кумир!

Гимназистки

НИКОЛАЙ

Да ты и сам там долго не удержишься!

(хватая Семена за ногу)

Никто не вправе судить свободного художника!

СЕМЕН

(отбиваясь от него)

Так – художника!

А ты – маляр!

Юноши устраивают шутивную возню, будоража окрестности воинственными криками и громким смехом.

Стоя у дверей кафе, за ними наблюдают несколько гимназисток.

ПЕРВАЯ ГИМНАЗИСТКА

(возмущенно)

Хулиганы! Вот ужас!

ВТОРАЯ ГИМНАЗИСТКА

(увлеченно следя за происходящим)

Ну и что?! Зато один из них очень хорошенький!

ТРЕТЬЯ ГИМНАЗИСТКА

(лукаво)

Блондин?

ПЕРВАЯ ГИМНАЗИСТКА

(возмущенно)

Лида! Верочка!..

Слышала бы вас Маргарита Львовна!

Неожиданно обнаружив внимательно наблюдающих за ними зрительниц, Николай сконфужено кланяется им и тут же падает на колени от толчка в спину.

Девушки заливаются от смеха.

Харьков.
Газетная страница.

КИНОХРОНИКА

ГАЗЕТНЫЕ ЗАГОЛОВКИ

Суетливо движутся люди в кадрах кинохроник, мелькают заголовки на газетных полосах: В нынешнем году «Форд моторс» впервые применен метод поточной сборки — конвейер»; «Дамы и господа! Чудодейственные лекарственные средства, полезные всем — опиум и гашиш»; «Демонстрация суфражисток в Лондоне требует принять поправку, дающую равное право голоса всем гражданам страны»; «Арестован Махатма Ганди»; «Тагор удостоен Нобелевской премии»; «Конструктор Игорь Сикорский поднял в воздух свой новый самолет «Илья Муромец» с 1100 кг груза»; «Новая кинодрама «Грехи отцов» с Астой Нильсен покоряет толпы людей в Европе и в России»; «Страждущие поклонники Асты Нильсен штурмуют синематографы»; «Европейский Голливуд — роскошная киностудия Уньон в Бабельсберге»; «Аста Нильсен выходит замуж за знаменитого кинорежиссера Урбана Гэда».

ХАРЬКОВ

УЛИЦА ВОЗЛЕ СИНЕМАТОГРАФА – ВЕЧЕР.

Конная жандармерия теснит разнородную толпу, собравшуюся у входа в синематограф. Встают на дыбы кони, кричат и щелкают нагайками жандармы. Часть людей отступает перед натиском жандармерии, а часть пытается прорваться в кинозал.

Синематограф «Эден» – один из первых в России.

Давка поклонников синематографа.

ХАРЬКОВ. УЛИЦА ВОЗЛЕ СИНЕМАТОГРАФА – ВЕЧЕР.

Среди участников «штурма» и наш герой, Николай Светличный, вместе с Семеном.

НИКОЛАЙ

Сеня, ты, главное, держись поближе ко мне. Чуть жандармы зазеваются, и мы сразу бегом вперед.

СЕМЕН

Нет, ну почему обязательно сегодня?

Ты же видишь, что тут творится! Зачем нам лезть в эту давку, боже мой!

Может потом? Может завтра? А?

НИКОЛАЙ

Да ты что, Сеня! Зачем же терпеть до завтра, если уже сегодня мы все увидим. Тебе разве неинтересно?

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Эй, хлопцы, я сейчас чиркну спичками, а как лошадь встанет на дыбы, мы и проскочим!

СЕМЕН

Нет уж! Увольте! Я подожду пару дней и спокойно пройду, как все порядочные люди! Чинно и благородно.

НИКОЛАЙ

Сень! Ты что же? Трусишь?!

В это время неизвестный, сделав быстрый шаг вперед, зажигает спичку перед лошадиной мордой. Лошадь встает на дыбы, а он прорывается вперед, получив вдогонку удар нагайкой по спине. Коля мчится вслед за ним. Смельчаки прорываются в синематограф прямо под копытами лошадей.

ЖАНДАРМ

Ну и дела!

Вместе с другими зрителями, прорвавшимися сквозь живое ограждение, Коля устремляется в темноту кинозала. Постояв несколько минут возле уличной тумбы, обклеенной киноафишами, Семен разворачивается и уходит от синематографа. У входа все еще бушует толпа жаждущих попасть внутрь. Уходя, Семен случайно задевает плечом мужчину в одежде мастерового и нервно извиняется перед ним.

СЕМЕН

Простите, пожалуйста. Вот ведь божедомня какая! Простите!

Афиша фильма
«Бездна»
с Астой Нильсен.

МАСТЕРОВОЙ

Да, действительно...

А что там за столпотворение? Убили кого-то? А?

СЕМЕН

Да нет, к счастью.

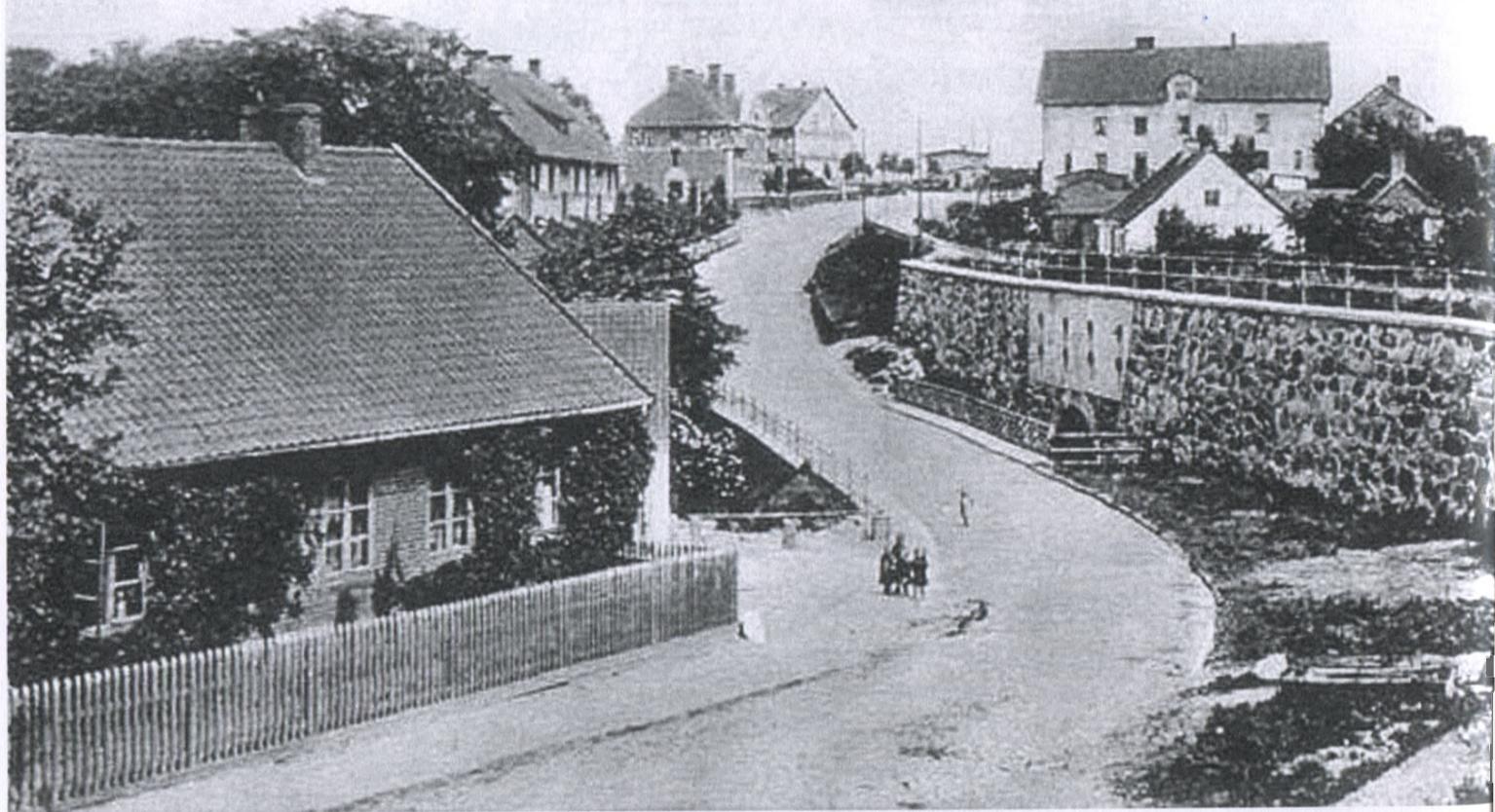
Просто сегодня новая фильма с Астой Нильсен, а места для стояния решили не продавать – давки, видите ли, хотели избежать. Вот и получилось...

МУЖЧИНА В ОЧКАХ

(останавливаясь возле них)

Боже мой, и все это ради фильмы...

Какие безумцы!

Типичный поселок в Восточной Пруссии, 1913 год.

ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ, 1913

ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ

ПОСЕЛОК ВБЛИЗИ ИНСТЕРБУРГА – ДЕНЬ.

Аккуратные дома с черепичными крышами и множеством хозяйственных построек. Старые фруктовые деревья в садах.

Почти идиллический пейзаж.

Молодая женщина с девочкой четырех-пяти лет останавливаются у забора, за которым слышна праздничная песня.

Это наша героиня Марта Гедрис и ее дочь – Ингрид. Деревья за забором украшены лентами и гирляндами. Похоже, что там свадьба или крестины.

Девочка в такт веселой мелодии притоптывает ножкой и подпевает. Мать с улыбкой смотрит на нее.

МАРТА

Тебе нравится эта песня, Ингрид?

ИНГРИД

Да, мамочка. Она веселая.

МАРТА

А ты помнишь слова?

ИНГРИД

Помню. Но... немножко забыла.

МАРТА

Ну, тогда давай петь вместе.

Улыбающаяся мать опускается на корточки и начинает петь вместе с дочкой. Ветрено, и Марта часто поправляет рукой волосы малышки, которые падают той на лицо.

УЛИЦА – ДЕНЬ.

Развешиваются на ветру ленты на деревьях. Слышна очередная песня, которую поют гости. Вдали видны уходящие Марта и Ингрид.

Германия, Берлин, Фридрихштрассе.

**ГЕРМАНИЯ,
БЕРЛИН, 1913**

БЕРЛИН

КВАРТИРА АСТЫ НИЛЬСЕН – УТРО.

Актриса Аста Нильсен задумчиво бродит среди вещей, которые грудami лежат на полу, на столе, на подоконниках: оптические приборы, шахматная доска, несколько тростей, продавленные цилиндры и комплект истрепанной мужской одежды, причудливой расцветки халат, несколько фолиантов и картины в рамах и без рам, ваза, а рядом с ней порядком изношенные ботинки, каминные часы и ножны без сабли...

За неспешными передвижениями Асты по комнате наблюдает Марика, подруга актрисы.

МАРИКА

Аста, поясни мне, пожалуйста.
Как ты, умная, интересная женщина,
можешь жить среди этого хлама?!

АСТА НИЛЬСЕН

Мне нравятся ощущения, которые связаны
с этими вещами.

Аста Нильсен
в своей квартире
в Берлине.

Урбан Гэд.

МАРИКА

Но это же похоже на лавку старьевщика, дорогая.

УРБАН ГЭД

(заглядывая на минуту в комнату)

Вот-вот! Объясни ей, Марика, что благодаря ее «сокровищам» наш дом напоминает обнищавший магазинчик на окраине.

АСТА НИЛЬСЕН

Говорите, что хотите, но эти вещи помогают мне лучше войти в образ.

Не понимаю, как вы не видите, что в каждом из этих предметов живет атмосфера, живет прошлое. Да от каждой из этих вещей буквально пахнет временем!

МАРИКА

Да пылью, пылью от них пахнет, дорогая!
И как только тебе удастся пробираться
среди этого хлама? Например, чтобы просто
пройти в другую комнату? А?

АСТА НИЛЬСЕН

(закуривая)

Вначале, Марика, я поднимаю и переставляю
правую ногу, потом – левую, потом снова правую...

Закурив, Аста вновь обращается к приятельнице.

АСТА НИЛЬСЕН

Знаешь, когда я играю, то люблю
представлять героиню и ее окружение в деталях.
Так что к началу съемок я знаю
мельчайшие приметы их жизни.

(бодро)

А жизнь, моя дорогая, как раз и состоит
в великом множестве сущих безделиц.
В самых обычных вещах!
В том числе, и в совершенно бессмысленных
для постороннего взгляда.
Я ведь каждый раз по крохам
собираю своих персонажей.
И все это

(жест рукой с сигаретой)

детали их облика...

Слушая Нильсен, Марика ловким движением вытаскивает из вороха вещей на полу камертон и ударяет им об угол стоящего рядом с ней резного шкафа. Звук плывет по комнате, постепенно затухая и теряясь среди груд вещей. Аста усмехается, затягивается сигаретой и жестом просит подругу повторить.

МАРИКА

Бом! Бом, бом, бом!

Литературный кружок в России начала века.

ХАРЬКОВ, 1913

ХАРЬКОВ

ДОМ СВЕТЛИЧНЫХ – ДЕНЬ.

В доме Светличных идет заседание местного литературного кружка.

Кружковцы расположились в большой светлой комнате. Несколько человек сидят вокруг стола. Остальные разместились как придется: молодая пара стоит возле печи с голубыми изразцами, несколько человек сидят на диване, еще трое стоят у окна. В числе последних и хозяйка дома, Татьяна Сергеевна Светличная.

СТЕПЕННЫЙ МУЖЧИНА

Нынешнее время, несомненно, очень талантливо.

Но я сомневаюсь, есть ли что-то особенное во всех этих произведениях?

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА

(экзальтированно)

Конечно же, есть!

На наших глазах, господа, идет поиск новых форм, нового языка искусства.

Они помогут нам освободиться от всего наносного, темного, что копилось в душах предыдущих поколений.

МОЛОДОЙ КРУЖКОВЕЦ

(горячо)

Наше поколение несет новый, свежий взгляд на мир!

КРУЖКОВЕЦ В ПЕНСНЕ

(назидательно)

Вы не правы!

Нам нужна духовность, духовная работа над собой!
Мы должны идти по пути Толстого и Достоевского!